

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

© 2016 г. Виктор Николаевич Корнев¹

В статье рассматривается зависимость формирования концепции правового государства от тех или иных подходов к пониманию права, которые разрабатывались и разрабатываются в юридической науке России и зарубежных стран. Автор исследует значение категорий автономия и гетерономия воли для обоснования тезиса обязательности права для государства. В итоге проведенного исследования заявленной темы сформулирован вывод о том, что жизнеспособная теория правового государства может быть разработана на основе интегративного подхода к пониманию права.

The article discusses the dependence of the formation of the concept of the legal state of various approaches to law, which was designed and developed taking into account in legal science of Russia and foreign countries. The author explores the meaning of the categories of autonomy and heteronomy of the will to substantiate the thesis of obligatory rights for the state. In the context of the research the stated topic concludes that a viable theory of legal state can be developed on the basis of integrative approach to understanding law.

Ключевые слова: правовое государство, юридический позитивизм, социологический позитивизм, естественное право, интегративный подход, правопонимание, государство, автономия, гетерономия, дуальность права, индивид, справедливость, позитивное право, сверхпозитивное право, Конституция РФ.

Key words: legal state, legal positivism, sociological positivism, natural law, integrative approach, understanding of law, government, autonomy, heteronomy, dualism of law, individual justice, positive law, super positive law, the Constitution of the Russian Federation.

Полагаю, что каждый учёный-юрист, который вознамеривается проникнуть в суть явления под названием “государство”, а тем более понять, что есть “правовое государство”, будет обязательно исходить из определённой парадигмы (типа) правопонимания, которая господствует в науке о государстве и праве на тот или иной конкретно-исторический момент либо пробивает себе дорогу на фоне изменения научной парадигмы в юриспруденции.

Вместе с тем проблема правового государства касается трактовки понимания феномена государства, особенностей интерпретации источников права и их связи с государственной властью, роли государства в правотворческом процессе, а также соотношения государства и права. В целом можно сказать, что в контексте решения теоретических проблем правового государства все большую актуальность приобретают фундаментальные идеи о государстве в их связи с основными подходами к пониманию права. Некоторым аспектам данной проблематики посвящена настоящая статья.

В юридической науке России сегодняшнего дня на фоне не всегда справедливой критики

юридического позитивизма в понимании права и государства предпочтение отдаётся социологическому подходу. В международном праве наряду понятием государства как юридического лица используется и его социологическое понятие, представляющее единство трёх элементов: суверенной власти, населения и территории².

Представляется, что оба подхода (социологический и юридический, т.е. позитивистский) вполне приемлемы для юридической науки, так как с их помощью возможно познание различных аспектов государства, что совершенно необходимо для формирования комплексного, системного, интегративного представления о государстве.

Очевидно, что эвристические возможности позитивистского понимания права, а следовательно, и государства имеют свои строго ограниченные пределы и возможности. Об этом надо помнить тогда, когда позитивизм в юридической науке подвергается критике, так как больше того, что объективно заложено в позитивизме, он дать не может.

Позитивизм описывает государство главным образом как институт, чуждый и в определённой степени противостоящий индивиду. По существу не меняет дела реализация либерального принципа разделения властей, который нашёл своё

¹ Профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук (E-mail: science@rsuj.ru). Victor Kornev, professor of Department of theory of law, state and the judiciary of the Russian state University of justice, Doctor of Law (E-mail: science@rsuj.ru).

² См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть М., 2008. С. 325.

законодательное выражение в позитивистской концепции правового государства. Этот принцип в определённой степени если не разрушил, то серьёзно поколебал **гетерономию** государственной власти и права, хотя окончательно не решил проблемы единения государства и индивида. Главную роль в этом процессе играет парламент как основное и необходимое условие демократии, но этого, как показывает государственно-правовая практика, ещё недостаточно. Наличие парламента не объясняет также и основания обязательности права для государства, т.е. верховенства права в правовом государстве.

Методология позитивизма во всех его проявлениях мало способствует разработке и осуществлению реального механизма включения индивида в структуру государства, в котором главное место занимают отношения господства и подчинения.

Позитивизм, особенно социологический, в определённой степени даёт возможность исследователю раскрыть сущность этих отношений, но он оказывается совершенно бессильным в обосновании возможности противостояния динамике расширения господства государства по отношению к индивиду.

Позитивистская парадигма правопонимания составляет методологическую основу концепции правового государства в его формально-юридическом смысле, которая выражается в системе институтов либерального конституционализма как предпосылки *формальной свободы индивида*. Вся структура конституционного государства подчинена реализации принципа верховенства закона, обеспечению юридических гарантий формальной свободы индивида. Но для государства, которое называется правовым, этого явно недостаточно. В связи с этим известный немецкий государствовед Г. Навяски (H. Nawiasky) писал в работе, которая была опубликована в 1956 г., что для него правовое государство немислимо без автономии и свободы личности и общества. Но к этому основному элементу правовой государственности ученый добавлял еще один существенный элемент – справедливость. По его убеждению, правовое государство должно быть, вне сомнения, государством справедливости³.

Между тем ещё в начале XX в. большинство русских юристов-государствоведов придерживались совершенно обоснованной и передовой идеи, суть которой состояла в том, что провозглашением конституционных начал в устройстве

государства не исчерпываются полностью идея и наличное бытие правового государства. Установление конституционного строя, т.е. конституционного государства, – это только юридическая предпосылка для решения проблем **социальной справедливости**. На повестке дня отечественной юридической науки стояла задача разработки **теории социального правового государства**. По мнению выдающегося русского государствоведа начала XX в. С.А. Котляревского, суть правового государства состоит в справедливости. “И теперь, как тогда (со времен Сократа. – В.К.), искание правового государства приводит нас к справедливости; если призрачна последняя, то нет смысла и в первом. В таком случае остаётся одна реальность – властвование, подчинение и беспощадная борьба между людьми, классами, национальностями за господство”⁴, – писал С.А. Котляревский.

В связи с этим весьма спорными представляются суждения С.Ф. Ударцева и Ж.Р. Темирбекова, которые пишут: «На протяжении XX в., особенно второй его половины, можно наблюдать, что понятие “Rechtsstaat” (правовое государство. – В.К.) разные авторы толкуют: а) как эквивалент понятия “конституционное государство”, поскольку в конституциях имело место закрепление формальных гарантий прав и свобод человека; б) как эквивалент “государства, признающего идею и систему административной юстиции”; в) в созданном Г. Кельзеном формалистическом понимании, где понятия “законодательство государства” и “государство как юридическое явление” совпадают с понятием “право” таким образом, что в этом смысле каждое государство является правовым; г) как синоним понятия “Rule of Law” (верховенство права. – В.К.); д) как понятие, которым подводится база под всю деятельность органов государства на основе господства закона»⁵. Приведенное суждение уважаемых авторов, к сожалению, страдает пробельностью, поскольку в нем не учитывается развитие концепции правового государства в русской и немецкой правовой мысли.

Понятие государства, целью которого является не только формальная свобода, не господство элит, классов, национальностей, а **справедливость**⁶,

⁴ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001. С. 339.

⁵ Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции “Rule of Law” (“Верховенство права”) и “Rechtsstaat” (“правовое государство”): сравнительный анализ // Гос. и право. 2015. № 5. С. 10.

⁶ В настоящей статье не ставится задача раскрытия феномена “справедливость” и анализа существующих в юридической науке концепций справедливости.

³ См.: Nawiasky H. Allgemeine Staatslehre. Einsiedeln/Zurich/Köln, 1956. S. 130.

не вмещается в рамки позитивистской парадигмы правопонимания. Эта идея имеет сторонников в отечественной теории государства и права.

О.Э. Лейст, например, считал, что для обоснования правового государства недостаточно позитивистской методологии, здесь необходимо выйти за её пределы⁷.

Концепция правового государства, целью которого является не только формальная свобода индивида, но и справедливость, может быть разработана на основе естественно-правового типа правопонимания, но без полного отрицания позитивистского подхода к пониманию права, т.е. **на основе интегративного подхода** к пониманию права. В этой парадигме правопонимания возможно обоснование цели государства: за основу берётся приоритет индивида во взаимоотношениях с государством, так как государство существует ради человека, а не наоборот. Государство оправдывает своё существование только тем, что служит жизненно важным целям человека, которые по не зависящим от него причинам являются для него трудно или вовсе недостижимыми. Государство с его структурой, отношениями господства и подчинения – это та организация, без которой невозможно достижение целей как отдельным человеком, так и обществом в целом.

Вместе с тем в отношениях господства и подчинения, а такие отношения будут существовать, пока существует государство, должна быть соблюдена определённая мера, чтобы избежать искажения естественных отношений между государством и индивидом, как это свойственно государствам с недемократическими политико-правовыми режимами, где не государство существует ради человека, а наоборот, человек полностью подчинён государственной машине, и между ними нет отношений взаимной юридической ответственности.

Поэтому правовое государство означает такое государство, в котором реализуется принцип верховенства (господства) права над всей государственной деятельностью. Государство связано правом. Право имеет различные формы своего выражения в объективной реальности помимо закона и иных нормативных правовых актов.

В связи с этим заслуживает самого пристального внимания и поддержки интерпретация правового государства, данная проф. В.В. Ершовым:

⁷ См.: Корнев В.Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX века. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2006. С. 29.

«Правовое государство в Российской Федерации возможно как государство, деятельность которого ограничена основополагающими принципами и нормами права, содержащимися в формах международного и внутригосударственного права, реализуемых в России, а не только законом (“законодательством”)...»⁸. При такой постановке вопроса может быть обоснована идея **гетерономии** права по отношению к государству. Юридический позитивизм, признающий волю государства как единственный источник права, обосновал концепцию самоограничения государства им же созданным правом (Еллинек, Иеринг, а также ряд современных ученых-юристов), т.е. право, наподобие морали, имеет автономный характер, а по отношению к подвластным – гетерономный. Возможность самоограничения государства правом в этом случае зависит от воли и желания самого государства как единственного творца права.

Проблемы **автономии** и **гетерономии воли** применительно к вопросам нравственности и права на философском уровне были исследованы И. Кантом в работе “Критика практического разума”. Согласно И. Канту **автономия воли** является высшим принципом нравственности. “Автономия воли есть такое свойство воли, благодаря которому она сама для себя закон независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления”⁹, – писал И. Кант. В теории юридического позитивизма автономией воли обладает государственная власть, которая устанавливает нормы права по своему усмотрению. Иначе говоря, основным источником права и его обязательности для государства является его же воля, а не воля, ему противостоящая и его (государство) обязывающая.

Что же касается **гетерономии воли**, то И. Кант объяснял этот феномен следующим образом: “Если воля ищет закон, который должен ее определять не в пригодности ее максимум быть ее собственным всеобщим законодательством, а в чем-то другом, стало быть, если она, выходя за пределы самой себя, ищет этот закон в характере какого-нибудь из своих объектов, – то отсюда всегда возникает *гетерономия*. Воля в этом случае не сама дает себе закон, а его дает ей объект через свое отношение к воле. Это отношение, покоится ли оно на склонности или на представлениях разума, делает возможными только гипотетические императивы: я должен сделать что-нибудь пото-

⁸ Ершов В.В. Международное и внутригосударственное право с позиций легизма и интегративного понимания права // Росс. правосудие. 2011. № 8. С. 19.

⁹ Кант И. Критика практического разума. Изд. 3-е. СПб., 2007. С. 100.

му, что я хочу чего-то другого. Моральный же, стало быть, категорический, императив говорит: я должен поступать так-то или так-то, хотя бы я и не хотел ничего другого”¹⁰.

На основе творческой интерпретации Кантовых идей об автономии и гетерономии воли теории Р. Иеринга и Г. Еллинека о правовой связанности государства были подвергнуты справедливой критике русскими учеными-государствоведами из-за их односторонности и неспособности вскрыть характер и механизм взаимодействия общества и государства в процессе правотворчества, реальность и возможность ограничения государства правом. В концепциях русских государствоведов право интерпретировалось как гетерономное явление по отношению к государству, как императив, сформировавшийся и имеющий в своей основе идеальные и материальные интересы и ценности, исходящие из общества.

Н.М. Коркунов, проанализировав теорию Р. Иеринга о самоограничении государства правом, сделал следующий вывод: “Ограничение государства правом в общем сознании не представляется только вопросом целесообразности, следовательно, чем-то факультативным, а напротив, признается должным, обязательным, не зависящим от усмотрения отдельных органов власти”¹¹.

Развернутую и аргументированную критику теории Р. Иеринга и Г. Еллинека дал Ф.В. Тарановский, который отмечал, что односторонность теорий названных ученых-юристов Германии кроется в том, что они в своем учении исходят из представлений о праве как производной государственной власти и о юридической норме – как результате исключительно правотворческой деятельности органов государства. Это представление не соответствует действительности, поскольку право создается не только государственной властью, о чем свидетельствует обычное право. Ф.В. Тарановский указывал еще на один существенный, по его мнению, недостаток обеих теорий, который состоял в том, что процесс проникновения правового начала в государственную организацию рассматривается ими исключительно как следствие деятельности или политики власти, и при этом совершенно умалчивается взаимодействие между властью и обществом, которое в конечном счете и является главной причиной

введения фактического властвования в известные правовые пределы¹².

Критически оценивал теории Г. Еллинека и Р. Иеринга С.А. Котляревский. Полемизируя с Р. Иерингом, он указывал на то обстоятельство, что его теория несовершенна, поскольку он считал государство единственным творцом права. С.А. Котляревский не соглашался с суждениями Р. Иеринга о связанности государства правом как о простом воздержании от совершения нежелательных действий со стороны государственной власти. “Государство, – писал С.А. Котляревский, – обладая абсолютной монополией принуждения, является в то же время и единственным создателем права. В том и состоит основное различие норм права от норм обычных и моральных, что у первых их повелительная сила обеспечивается государством, у вторых и третьих – обществом. Власть, конечно, подчиняется праву и закону, но когда она это делает, она руководствуется собственным интересом: право есть лишь хорошо понятая политика государственной власти”¹³. Однако, как подчеркивает ученый, никто не может определить разумность политики государственной власти, кроме самой власти. Находясь на позиции Р. Иеринга, можно объяснить лишь частные случаи правового самоограничения государства, но вывести из нее некую общезначимую формулу необходимости связанности государства правом не представляется возможным. Неудовлетворительной считал С.А. Котляревский и теорию самообязывания Г. Еллинека, который писал, что правовое самоограничение государства является примером самоограничения человеческой личности в силу обязательности для нее автономного нравственного закона. Но если право, по Еллинеку, создается государством, то и правовое самоограничение здесь превращается в фикцию¹⁴.

Недостатком обеих теорий, как считал С.А. Котляревский, было то, что их авторы уповали только на благоразумие государственной власти, которое удерживало бы ее от необоснованного вмешательства в дела личности и общества, а не на реальные общественные и правовые гарантии, стоящие над государством.

Вопросы правового обязывания государства исследовал и Н.И. Палиенко, который считал, что его разрешение обусловлено пониманием права. Н.И. Палиенко признавал, что задача обоснования обязательности права для государства выхо-

¹⁰ Там же. С. 100, 101.

¹¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1904. С. 263.

¹² См.: Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. Изд. 3-е. СПб., 2001. С. 534.

¹³ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 39.

¹⁴ См.: там же. С. 47.

дит за рамки юридического позитивизма. Он соглашался с критикой П.И. Новгородцева, который отказывал юридическому позитивизму из-за его узкопрактической направленности в способности разрешить задачу обоснования обязательности права для государства. В его представлениях концепции Р. Иеринга и Г. Еллинека были недостаточно верными в силу того, что в них государство признавалось единственным субъектом правотворчества.

Проблему правовой связанности государства Н.И. Палиенко рассматривал, во-первых, исходя из понимания государства как субъекта права, состоящего в правоотношениях с подвластными. Здесь он оставался верен методологии юридического позитивизма. Однако в конструировании обязательности права для самого государства Н.И. Палиенко обращался к метаюридическим явлениям – к политико-правовому сознанию подвластных. Именно в политико-правовом сознании он ищет источник императивности норм по отношению к государственной власти. Отсюда право, которое устанавливается и декларируется субъектом этой власти, имеет источником своей силы и своей обязательности признание его не только властью, но и самими подвластными. “Не только воля государства, но и воля противоположаемых ему в качестве подвластных субъектов государственных отношений должна служить базисом для объяснения отношений права к государству”¹⁵, – писал ученый. Следовательно, обязательная сила правовых норм для государства должна исходить из акта признания подвластными моральной авторитетности, пользы, рациональной необходимости подчинения таким нормам. Сам властитель может быть связан устанавливаемыми нормами права “не потому лишь, что обязательность этих норм зиждется на его собственном убеждении, но и потому, что в этой социальной массе, властителем которой он является, созрело сознание и признание обязательности и для него норм, декларируемых или установленных им самим”¹⁶. Сила законов, как и права, по мысли Н.И. Палиенко, была заключена в возможно большем их соответствии не столько воле, интересам и идеалам властвующих, сколько воле, интересам и идеалам, исходящим из общества. “Закон не есть теперь только императив властителя, и императив подвластных”¹⁷, – писал Н.И. Палиенко.

Давая высокую оценку суждениям ученого, нельзя не отметить, что признание правосознания как правообразующего и правообуславливающего фактора свойственно ряду современных ученых-юристов (А.Г. Бережнов, Ф.А. Кененов).

Суть рассуждений Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, Ф.В. Тарановского, Н.И. Палиенко сводилась к тому, чтобы в поисках реальных предпосылок для ограничения произвола государства выйти за пределы юридической догматики и не пытаться найти их исключительно в воле и институтах государства, обратиться к потребностям и ценностям общества.

Гетерономность права по отношению к государству означает то, что его обязательность для государства должна быть обусловлена выражением в нормах и принципах права тех ценностей, которые разделяются и признаются большинством населения. Другими словами, право должно выражать не только и не столько интересы и волю государственной власти, но волю и интересы, а также ценности большинства населения. Тогда право займет верховенство по отношению к власти и будет для него обязательным не только по формальным, но и по реальным обстоятельствам. В современных условиях этот тезис имеет чрезвычайно важное значение, особенно для нашего государства, провозгласившего себя правовым.

Отстаивание положения о **гетерономности** права по отношению к государству имеет еще один аспект, значимый для теории и практики правового государства. Принимая во внимание категорию “**гетерономность**”, можно решить проблему признания в праве, которая состоит в том, что право как ограничитель произвола государства действует не только в силу его установленности и гарантированности государством, угрозы применения санкций за нарушение норм права. Это может породить только повиновение праву, что не отвечает сути правового государства. Подлинным признанием права можно считать восприятие его на уровне свободного правового убеждения и необходимости и оправданности существования правовых норм. На убеждении основывается уважение. Следовательно, признание права в социально-психологическом аспекте на этой стадии возвышается до моральности. Повиновение праву рождается на уровне законности, а признание права имеет в своей основе моральные предпосылки. “Совесть, – отмечал современный французский философ права П. Рикер, – является не чем иным, как глубинным повиновением закону как закону – из чистого уважения к нему,

¹⁵ Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908. С. 321.

¹⁶ Там же. С. 338.

¹⁷ Палиенко Н.И. Указ. соч. С. 342.

а не просто сообразуясь высказыванием правила. Определяющее слово здесь – уважение”¹⁸.

Значение признания права в социально-психологическом и нравственном аспектах имеет важнейшее значение. Длительное и устойчивое действие правовых норм, их обязательность для государства достигаются только в случае признания нормативных предписаний обществом. Напротив, когда нормы права отвергаются подавляющим большинством общества, тогда эти нормы предстают перед личностью и обществом как неправо, как нечто чуждое правовому чувству общества, как сугубо **гетерономное** обществу явление. Возникает противоречие между действующим позитивным правом и общественным правосознанием. И ни о каком-либо признании права не может быть и речи. Тогда право приводится в действие только при помощи мер государственного принуждения¹⁹.

Таким образом, для создания условий устойчивого правопорядка, обеспечения принципа верховенства права в правовом государстве и реальной связанности власти правом государство, осуществляя законотворческую деятельность, должно опираться на базовые моральные ценности и интересы общества, тем самым стремиться преодолевать **гетерономность** права по отношению к обществу.

Следовательно, было бы неверным ни с методологической, ни с практической точек зрения отождествлять верховенство права с верховенством закона, поскольку законы – одна из форм права, и они принимаются государством. По своему содержанию законы могут быть далеки от понятия справедливого. Эта проблема является одной из важнейших и труднейших в теории и практике правового государства – так в форму закона может быть облечён произвол власть предержащих. Итак, концепция правового государства распространяется не только на необходимость учёта различных форм существования международного и внутригосударственного права, но и на их содержание – на то, какие ценности выражаются и закрепляются в нормах и принципах права.

Поэтому теории правового государства, основанные на том утверждении, что государство в своей деятельности связано только законами (“законодательством”), должны быть решительно отвергнуты как односторонние.

Концепция правового государства, развиваемая нами в соответствии с естественно-право-

вым типом правопонимания, основана на ряде принципов права, которые и должны определять содержание норм, выражающихся в различных формах прежде всего внутригосударственного права. Они определяют характер самого государства и направления его деятельности: наличие основных прав и свобод человека и гражданина; равенство всех перед законом; соответствие личных и общественных интересов и, наконец, достоинство человеческой личности как необходимая предпосылка существования справедливого, правового государственного порядка и системы права в России. Достоинство человеческой личности, недопустимость её умаления являются основополагающим принципом международного и внутригосударственного права, что, как представляется, было доказано в одной из публикаций автора настоящей статьи²⁰.

Достоинство человеческой личности – это то, что обуславливает реализацию этической цели, заложенной в праве: формирование справедливого правопорядка в правовом государстве. И тогда становится понятной формула Г. Радбруха: “Право – это воля, стремящаяся к справедливости”²¹.

Отстаивая возможность формирования и реализации в практике государственного строительства естественно-правовой концепции правового государства, автор статьи исходит из той предпосылки, что естественно-правовые идеи и представления не имеют своего самостоятельного и непосредственного регулирующего воздействия помимо норм действующего внутригосударственного и международного права, а также их основополагающих принципов. Следовательно, признаётся дуальная природа права, что “не является признанием дуализма права (т.е. существование двух самостоятельных реальностей – естественного и позитивного права), а представляет собой признание двух измерений единого феномена права”²², – пишет современный украинский ученый С.И. Максимов.

Следует согласиться с суждением о значении вывода относительно дуальности права, сформулированным автором этой идеи – известным немецким ученым, философом права Р. Алекси: “Дуальная природа права проявляет себя явно и неявно во всех фундаментальных вопросах права. Дуальность права – это одно из его существенных

¹⁸ Рикер П. Справедливое. М., 2005. С. 177.

¹⁹ См.: Ruttens B. Rechtstheorie. Munchen, 1999. S. 177.

²⁰ См.: Корнев В.Н. Достоинство личности как условие принятия справедливых решений в процессе правотворчества и правоприменения // Росс. правосудие. 2011. № 12. С. 17.

²¹ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 100.

²² Максимов С.И. Что есть право? // Правоведение. 2013. № 1. С. 244, 245.

свойств, которое показывает, почему теория правового позитивизма неадекватно отражает природу права”²³.

Сверхпозитивные суждения о таких ценностях, как достоинство человеческой личности, право на достойную жизнь, права и свободы человека, право на справедливое правосудие и т.д., получают возможность своего юридического существования только посредством их позитивации и объективации в известных формах международного и внутригосударственного права. Тем самым в их основу положен не субъективный взгляд правоприменителя, но они приобретают характер общеобязательных и не зависящих от чьего-либо личного усмотрения, поскольку легитимируются теми факторами, которые действовали в процессе правотворчества.

Отсюда следует, что теоретические рассуждения о правовом государстве и особенно их практическое воплощение требуют признания в качестве непреложной данности ценностной обоснованности норм права и всей государственной деятельности. В противном случае право и государство исключительно в позитивистском их измерении превращаются в инструмент для произвольного формирования и достижения любой ценой политических целей лиц, находящихся у власти.

Сугубо позитивистский, нормативистский подход к пониманию права не способствует формированию надёжной системы правовых гарантий и реальных отражений проявления произвола государства. Г. Кельзен отмечал, что “всякое произ-

вольное содержание может быть правом”. В силу этого правопорядки могут перенимать любое, в том числе и безнравственное, противоценное, порочное, содержание²⁴.

Концепции права и государства, изгоняющие из юридической науки и практики их ценностное обоснование, становятся не только формальными, но и весьма опасными, так как прямо или косвенно признают тот факт, что эти пустые формы могут быть заполнены различным содержанием вплоть до античеловеческого. Данный вывод не требует особых доказательств: сама история свидетельствует об этом. Ценностно нейтральное государство и право сами превращаются в бесполезные и опасные для человека и общества, даже если это государство будет называться правовым.

В системе органов государственной власти Российской Федерации на суд ложится особая миссия в деле реализации идей естественного права, выраженных в формах международного и внутригосударственного права, и прежде всего в Конституции РФ: ст. 18 Конституции закрепляет естественно-правовую идею прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, интегративный подход к пониманию права представляет собой *conditio sine qua non* для формирования концепции правового государства и воплощения ее в государственно-правовой действительности России. Для этого в нашей стране существуют все реальные конституционно-правовые предпосылки.

²³ Alexy R. The duale Nature of Law // By analuisa nawarro. 2014. P. 256–274.

²⁴ См.: Корнев В.Н., Володина А.А. В начале была норма // Росс. правосудие. 2013. № 6. С. 7.